

Александр СОКУРОВ: Мои студенты знают, что режиссеру нужно поступать по сердцу

Корреспондент «ВП» побывал на IX кинофестивале «Зеркало» имени Андрея Тарковского, проходившем в июне в городах Ивановской области. В этом фестивале участвовал Александр Сокуров — в разных качествах: он был в составе жюри основного конкурса; ретроспектива его фильмов стала одной из линий фестиваля; в рамках «Зеркала» были показаны работы студентов мастерской Сокурова при Кабардино-Балкарском университете им. Х. М. Бербекова.

Александр Николаевич преподнес в дар Музею Тарковского, который находится в Юрьевце, уникальную вещь. Это рубашка Андрея Тарковского, которую он завещал Сокурову и которую тот хранил у себя почти тридцать лет.

КОПИРОВАТЬ ТАРКОВСКОГО ОЧЕНЬ ЛЕГКО

— Александр Николаевич, известие о Государственной премии застало вас на фестивале «Зеркало», и вам пришлось даже прервать свое пребывание в Плесе визитом в Кремль. Вы уже знаете, как распорядитесь денежным эквивалентом премии?

— Никогда у меня не было таких денег, и я пока не знаю...

— На этом фестивале вы не первый год, но в Юрьевце, в Музее Тарковского, были впервые. Какое впечатление?

— Прекрасное впечатление. Музей хорошо сделан. Он, как каждый музей, в какой-то степени «стерилен», но атмосфера, в которой рос Тарковский, на мой взгляд, передана. Юрьевец — прекрасный город. Вообще города этой части России, с их удивительными ландшафтами, — это, конечно, чудо.

— В недавнем интервью вы сказали, что собираетесь снимать картину, связанную с Древней Русью. Такие ландшафты способны вас вдохновить?

— Пока мы еще занимаемся археологией.

— Как это?

— Разговариваю с археологами.

— Вы помните свое знакомство с Тарковским? Какое впечатление он на вас произвел?

— Доброго и ласкового человека. (Мое выжидание, затянувшаяся пауза. — Прим. авт.) Этого мало?

— А помните первое впечатление от его кино?

— Сильного впечатления не было.

— Что это был за фильм?

— Ну не важно. Фильм и фильм.

— А потом что-то изменилось — и пошел какой-то процесс?

— Я знакомился с человеком, а не с фильмом. Это было важнее. Для меня человек важнее, чем кино. Для ста строк, которые будут в газете, бесполезно начинать об этом говорить. В двух словах не скажешь. Но, конечно, какое-то движение началось — постепенно, шаг за шагом, как это всегда.

— Вы преподнесли в дар Музею Тарковского его рубашку, которую он завещал вам. А вы бы хотели, чтобы после вас у какого-то режиссера осталась ваша вещь?

— Да, вопрос (смеется). У меня есть друзья, которым я иногда что-то дарю от сердца. У меня мало вещей, не часто появляется новая одежда. Но если что-то появляется, я всегда рад подарить это. У меня нет

брата, но какому-нибудь ровеснику-другу я могу подарить рубашку. Это обычное человеческое желание.

— Есть ли сегодня кинорежиссеры, близкие Тарковскому по духу?

— Я мало знаком с современным кино, не успеваю его отсматривать. Если такие люди и есть — или особенно если их кто-то приписывает Тарковскому, — это не очень хорошо. Вокруг Андрея Арсеньевича какое-то сумасшествие. Сегодня много одержимых Тарковским, помешанных на его кино. Но по большей части эти люди, нахватавшись поверхностных впечатлений, не имеют ни малейшего представления ни об эстетике, ни о содержательной стороне его работ. И те, кто делает авторское кино, считая себя его преемниками, немножко сошли с ума. Копировать Тарковского очень легко...

— Кинокритики называют продолжателем традиции Тарковского вас...

— Не знаю, мне эта функция, эта миссия неизвестна. Каждый работает в рамках своей задачи, своего развития, своих возможностей. Ну и в рамках своего времени.

ВСЕ ПОНЯТНО ПО ПЕРВЫМ ДВУМ КАДРАМ

— На фестивале мы увидели фильмы ваших учеников из Кабардино-Балкарии. При том что каждый из них индивидуален, очевидна принадлежность одной школе...

— Школа выражается только в отсутствии насилия и определенных ограничениях. Когда молодые люди поступали, они не знали, к кому поступают, не знали такого режиссера. Они никогда не смотрели моих фильмов. В течение всех 5 лет обучения я не показал им ни одного своего фильма — ни в качестве учебно-эстетического пособия, никак. Если мои студенты представляют какое-то единство, то лишь в точном знании того, что можно и чего нельзя, а так они очень разные. Они знают, что режиссеру нужно поступать по сердцу. По сердцу.

— Для вас, как для мастера, было принципиально, что эти ребята — как чистый лист бумаги? Если бы, наоборот, это были люди, хорошо знающие кино, в том числе и ваше?

— Такого быть не могло. Да и потом, нет никакого особенно пристального внимания к тому, что я делаю.

— На этом кинофестивале вы были в составе жюри. В связи с этим хочется узнать: а вообще как вы определяете для себя, что такой-то фильм лучше остальных?

В окне дома Тарковского, как в зеркале, отразилось прошлое и будущее.

— Для этого можно посмотреть первые 7 — 10 секунд картины — и все понятно. Вот кончилися начальные титры, идут первые 2 — 3 кадра — и уже понятно, желательнее встать и уйти или стоит смотреть до конца. И, как показывает опыт, это предощущение редко обманывает.

— А чем в первую очередь на вас воздействуют эти 2 — 3 кадра: композицией, цветом, энергией, идущей с экрана?

— Наверное, это общее воздействие. Это элементы, порождающие кинематографическую форму: и композиция, и цвет, как вы правильно заметили, и темпоритмика, и... этика. В первую очередь этика, а потом уже эстетика. Масштаб замысла (как и масштаб способностей человека) виден сразу. Когда вы идете по музею и вдруг видите, скажем, апостолов Петра и Павла, изображенных Эль Греко...

— Картину, которой вы столько внимания уделили в «Русском ковчеге»...

— Да... и вы сразу понимаете: все остальное, что вокруг на стенах, может быть во многом «фоновая» культура. Это сразу видно, сразу чувствуется. В Третьяковке есть очень много работ взрывного характера. Смотришь на русскую живопись, выставленную там, — и сразу чувствуешь такую содержательность, такую мощь. И свое зрение нужно хранить для такого. Когда вы стараетесь ограничивать себя в зрительных контактах со средними вещами, начинает формироваться вкус. Я своим студентам говорю: идете из дома в университет — не смотрите по сторонам. Не смотрите на эту бездарность архитектуры, вывесок, покрас-

ки стен и прочего. Не смотрите! Не смотрите телевидение! Категорически ограждайте себя от сорных визуальных впечатлений. Конечно, если вы не живете во Флоренции или Венеции... Или, может, в таком городе, как этот (Плес. — Прим. авт.). Вот здесь можно смотреть, как люди обустроиваются, как выстраивают дома, из какого материала, какие размеры окон, какие наличники. Это формирует в вас устои, с которых потом вас не толкнут. Вот это и есть процесс самовоспитания — один из самых главных в жизни, с помощью которого мы себя создаем, выстраиваем.

АКТЕР ДОЛЖЕН БЫТЬ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ СИМПАТИЧЕН

— А когда вы выбирали своих будущих студентов, тоже срабатывало это предощущение — предощущение человека?

— Студентов я выбирал исключительно по человеческим ощущениям, потому что все остальное представляло большую проблему. Но если ты подключаешься к человеку, к личности (а тем более к молодому человеку, который более открыт), ты видишь то, что скрыто. Хотя на самом деле человеку трудно скрыть что-либо, особенно когда он старается скрыть какие-то качества. В общем, я следовал только своей интуиции относительно личного начала в каждом из молодых людей. Сейчас у меня 12 студентов. Трех по мере обучения мне пришлось отчислить, но за этих 12 учеников я отвечаю.